

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Сказка Братьев Гримм

Гензель и Гретель

Жил на опушке дремучего леса бедный дровосек с женой и двумя детьми: мальчика звали Гензель, а девочку Гретель. Жил дровосек впроголодь; и наступила однажды в той земле такая дороговизна, что ему не на что было купить даже кусок хлеба. Вот как-то вечером лежит он в кровати, не спит, а всё с боку на бок переворачивается, вздыхает и, наконец, говорит жене: – Что теперь будет с нами? Как нам детей прокормить, нам и самим-то есть нечего! – А знаешь что, – отвечала жена, – заведём завтра утром детей пораньше в лес, в самую чашу; разведём там костёр и дадим им по кусочку хлеба. А сами пойдём на работу и оставим их одних. Не найти им дороги обратно – вот мы от них и избавимся. – Нет, жена, – говорит дровосек, – этого я не сделаю: ведь сердце у меня не камень, не могу я детей бросить одних в лесу. Нападут на них дикие звери и съедят их. – Ну и дурак! – говорит жена. – Придётся нам тогда всем четверым с голоду пропадать, и тебе останется только одно – гробы сколачивать. – И она донимала его до тех пор, пока он с ней не согласился. – А всё-таки жалко мне моих бедных детей! – сказал дровосек. Дети от голода не могли заснуть и слышали всё, что говорила мачеха отцу. Заплакала Гретель горькими слезами и говорит Гензелю: – Бедные мы с тобой, бедные! Видно, нам теперь пропадать придётся! – Тише, Гретель, не горюй! – сказал Гензель. – Я уж что-нибудь придумаю. И вот, когда родители уснули, он встал, надел свою курточку, отворил дверь в сени и тихо выбрался на улицу. На небе ярко светил месяц. Белые камешки во дворе блестели под его лучами, словно денежки. Гензель нагнулся и набил ими полный карман. Потом он вернулся домой и говорит Гретель: – Утешься, милая сестрица, спи себе теперь спокойно! – И с этими словами он снова улёгся в постель. Чуть только начало светать, пришла мачеха и стала будить детей. – Вставайте, лентяи! Нужно идти в лес за дровами. – Потом дала им по кусочку хлеба и сказала: – Этот хлеб будет вам на обед. Смотрите только, сейчас его не ешьте, больше вы ничего не получите. Взяла Гретель весь хлеб и спрятала себе под фартук. Гензелю ведь некуда было спрятать хлеб, у него карман был набит камешками. Потом они все отправились в лес. Идут они, а Гензель всё останавливается и назад оглядывается. Говорит ему отец: – Что ты, Гензель, всё оборачиваешься и отстаёшь? Иди-ка поскорее. – Я, батюшка, – отвечал Гензель, – всё на свою белую кошечку посматриваю. Сидит она на крыше и так жалостно смотрит на меня, словно прощается. – Не болтай глупости, – сказала мачеха, – вовсе это не твоя кошечка, это белая труба на солнце блестит. А Гензель вовсе не на кошечку смотрел, а доставал из кармана блестящие камешки и бросал их на дорогу. Вот пришли они в самую чашу леса, и дровосек сказал: – Ну, дети, собирайте хворост, а я костёр разведу, чтобы вы не озябли. Набрали Гензель и Гретель целую кучу хворосту. Когда огонь хорошо разгорелся, мачеха говорит: – Ну, дети, ложитесь теперь у костра да отдохните как следует, а мы пойдём в лес дрова рубить. Когда кончим работу, вернёмся за вами. Сели Гензель и Гретель у костра, а в полдень они съели свой хлеб. Они всё время слышали стук топора и думали, что это где-нибудь недалеко работает отец. А постукивал-то вовсе не топор, а сухой сук, который отец подвизал к старому дереву. Сук раскачивало ветром, он ударялся о ствол и стучал. Сидели они так, сидели, от усталости у них стали закрываться глаза, и они крепко уснули. Когда они проснулись, в лесу было уже совсем темно. Заплакала Гретель и говорит: – Как нам теперь найти дорогу домой? – Погоди, – утешал её Гензель, – вот взойдёт месяц, станет светлее, мы и найдём дорогу. И верно, скоро взошёл месяц. Взял Гензель Гретель за руку и пошёл от камешка к камешку – а блестели они, словно денежки, и указывали детям дорогу. Всю ночь шли они, а на рассвете пришли к отцовскому дому и постучались в дверь. Открыла мачеха дверь, видит – стоят перед ней Гензель и Гретель, и говорит: – Ах вы, скверные дети, что вы так долго в лесу отсыпались? А мы уже думали, что вы вовсе не хотите назад возвращаться. Обрадовался отец, увидя детей. Тяжело ему было бросать их одних в лесу. Но вскоре опять наступили голод и нужда, и в доме дровосека нечего стало есть. И вот услышали дети, как мачеха ночью, лёжа в постели, говорила отцу: – У нас опять уже всё съедено, осталось только полкраюхи хлеба, а потом уж нам конец! Надо отделаться от детей – заведём их в лес подальше, чтобы не найти им дороги назад! Иного выхода у нас нету. Тяжко стало на сердце у дровосека, и он подумал: "Уж лучше бы мне последним куском с детьми поделиться". Но жена и слышать об этом не хотела, стала его бранить да попрекать. Недаром говорится: плохое начало не к доброму концу. Уступил он раз, пришлось ему и сейчас уступить. А дети не спали и слышали весь их разговор. Когда отец с мачехой заснули, встал Гензель с постели и хотел пойти во двор, чтобы набрать камешков, как в прошлый раз. Но мачеха заперла дверь, и Гензель не смог выйти из хижины. Он стал утешать свою сестрицу и говорит: – Не плачь, Гретель, спи спокойно, увидишь, что мы не пропадём. Рано утром мачеха разбудила их и дала им по куску хлеба, он был ещё меньше, чем в прошлый раз. Пошли они в лес, а Гензель по дороге крошил хлеб в кармане, останавливался и бросал хлебные крошки на дорогу. Говорит ему отец: – Что ты, Гензель, всё останавливаешься да оглядываешься? Иди-ка поскорее. – Я, батюшка, – отвечал Гензель, – на своего белого голубка смотрю. Сидит он на крыше и на меня так жалостно смотрит, словно прощается. – Не болтай глупости, – говорит ему мачеха. – Вовсе это не твой голубок, это белая труба блестит на солнце. А Гензель всё бросал и бросал на дорогу хлебные крошки. Завела мачеха детей ещё глубже в лес, где они ещё ни разу не были. Развели опять большой костёр, и говорит мачеха: – Сидите здесь, детки, а как устанете, поспите маленько. А мы пойдём в лес дрова рубить и к вечеру, когда кончим работу, придём за вами. Когда наступил полдень, Гретель поделилась своим куском хлеба с Гензелем, ведь он-то свой хлеб по дороге раскрошил. Потом они уснули. Вот уж и вечер прошёл, но никто за бедными детьми не приходил. Проснулись они – а в лесу уже тёмная ночь. Стал Гензель утешать сестрицу: – Погоди, Гретель, вот скоро луна взойдёт, мы и отыщем дорогу по хлебным крошкам. Когда взошла луна, отправились они искать дорогу. Искали её, искали, но так и не нашли. Тысячи птиц летают в лесу и в поле – и они все их поклевали. Говорит Гензель Гретель: "Мы уж как-нибудь найдём дорогу", но они её не нашли. Шли они целую ночь и весь день с утра до вечера, но никак не могли выбраться из лесу. Дети сильно проголодались: ведь кроме ягод, которые они собирали по дороге, у них не было ни куска во рту. Устали они так, что еле-еле ноги передвигали, прилегли под деревом и заснули. Наступило уже третье утро с тех пор, как покинули они отцовскую избушку. Пошли они дальше. Идут и идут, а лес всё глубже и темней, и если б не подоспела помощь, они выбились бы из сил. Вот наступил полдень, и дети заметили на ветке красивую белоснежную птичку. Сидит себе и поёт, да так хорошо, что дети остановились и заслушались. Умолкла птичка, взмахнула крыльями и полетела перед ними, и пошли они за ней следом, пока, наконец, не добрались до избушки, где птичка уселась на крыше. Подошли дети ближе, видят – избушка-то не простая: она вся из хлеба сделана, крыша у неё из пряников, а окошки – из сахара. Говорит Гензель: – Вот мы сейчас и поедим на славу. Я примусь за крышу, она, должно быть, очень вкусная. Вытянулся Гензель во весь рост и отломил кусочек крыши, чтобы попробовать, какая она на вкус, а Гретель стала лакомиться окошками. Вдруг послышался изнутри чей-то тоненький голосок: – Кто там ходит под окном? Кто грызёт мой сладкий дом? Отвечают дети: - Это гость чудесный, Ветер поднебесный!
– а сами снова едят. Пришлась крыша Гензелю очень по вкусу, и он оторвал от неё большой кусок, а Гретель выломала целое круглое стекло из сахара и, усевшись около избушки, стала его уплетать. Вдруг открывается дверь, и выходит оттуда старая-престарая старуха, опираясь о костыль. Испугались Гензель и Гретель, и все лакомства из рук выронили. Покачала старуха головой и говорит: – Эй, милые детки, как вы сюда попали? Ну, заходите ко мне, я вам зла не сделаю. Взяла она обоих за руки и повела в свою избушку. Принесла она угощение – молоко с оладьями, посыпанными сахаром, яблоки и орехи. Потом она постелила им две красивые постельки и накрыла их белыми одеялами. Улеглись Гензель и Гретель и подумали: "Мы, наверное, попали в рай". Но старуха только притворялась такой доброй, а на самом деле это была злая ведьма, что подстерегала детей, а избушку из хлеба построила для приманки. Если какой-нибудь ребёнок попадал ей в руки, она его убивала, варила в котле и съедала, и это было для неё самое большое лакомство. Глаза у неё были, как у всех ведьм, красные, и видели плохо, но зато у них нюх тонкий, как у зверей, и они чувят близость человека. Когда Гензель и Гретель подходили к её избушке, она злобно захохотала и сказала с усмешкой: "Вот они и попались! Теперь уж им от меня не уйти!" Рано утром, когда дети ещё спали, она встала, посмотрела, как они спокойно спят да какие у них пухлые и румяные щёчки, и сказала про себя: "Вот это будет лакомый кусочек!" Схватила Гензеля своей костлявой рукой, унесла его в хлев и заперла его за решётчатой дверью – пусть себе кричит сколько хочет, ничто ему не поможет! А потом разбудила Гретель и говорит: – Вставай скорее, лентяйка! Иди принеси воды и свари своему брату что-нибудь повкусней, вон сидит он в хлеву. Я хочу, чтобы стал он пожирнее, тогда я его съем. Горько заплакала Гретель. Но что было делать, пришлось ей исполнять приказание злой ведьмы. И вот готовила она для Гензеля самые вкусные блюда, а самой ей доставались одни лишь объедки. Каждое утро ковыляла старуха к хлеву и говорила: – Ну-ка, Гензель, протяни мне свой палец, я хочу посмотреть, жирненький ли ты. А Гензель взял и протянул ведьме вместо пальчика косточку. Ведьма плохо видела, пощупала косточку и удивлялась, отчего это Гензель не жиреет. Так прошло четыре недели, а Гензель всё не жирел. Надоело старухе ждать, и крикнула она девочке: – Эй, Гретель, наноси скорее воды! Жирного или тощего, всё равно я Гензеля завтра утром заколю и сварю. Ох как горевала бедная сестрица, когда пришлось ей таскать воду! Слезы так и текли у неё по щекам. – Лучше бы нас растерзали дикие звери в лесу, тогда мы хоть вместе бы погибли! – Ну, нечего хныкать! – крикнула старуха. – Теперь тебе ничего не поможет. Рано поутру Гретель должна была встать, выйти во двор, повесить котёл с водой и развести огонь. – Сначала мы испечём хлеб, – сказала старуха, – я уже истопила печь и вымесила тесто. – И толкнула бедную Гретель к самой печи, откуда так и полыхало большое пламя. – Ну, полезай в печь, – сказала ведьма, – да погляди, хорошо ли она натоплена, не пора ли хлебы сажать? Ползла было Гретель в печь, а старуха в это время хотела закрыть её заслонкой, чтобы Гретель зажарить и съесть. Но Гретель догадалась, что затевает старуха, и говорит: – Да я не знаю, как это сделать, как мне туда пролезть? – Вот глупая гусыня, – сказала старуха, – смотри, какое большое устье, и я-то могла бы туда залезть, – и она взобралась на шесток и просунула голову в печь. Тут Гретель как толкнёт ведьму, да так, что та очутилась прямо в самой печи. Потом Гретель прикрыла печь железной заслонкой и заперла на задвижку. У-ух, как страшно завывала ведьма! Но Гретель убежала, и проклятая ведьма сгорела дотла. Бросилась Гретель поскорей к Гензелю, открыла хлев и крикнула: – Выходи, Гензель, мы спасены! Старая ведьма в печке сгорела! Выскочил Гензель из хлева, словно птица из клетки, когда ей откроют дверку. Как обрадовались они, как кинулись друг другу на шею, как прыгали от радости и целовались! Теперь им нечего уже было бояться, и вот вошли они в ведьмину избушку и видят – стоят там всюду по углам ларцы с жемчугами и драгоценными камнями. – Ну, это будет, пожалуй, получше наших камешков, – сказал Гензель и набил ими полные карманы. А Гретель говорит: – Мне тоже хочется что-нибудь домой принести, – и насыпала их полный передник. – А теперь бежим поскорей отсюда, – сказал Гензель, – ведь нам надо выбраться из ведьминого леса. Прошли они так часа два и подошли, наконец, к большому озеру. – Не перебраться нам через него, – говорит Гензель, – не видать нигде ни лавочки, ни моста. – Да и лодочки не видно, – ответила Гретель, – но вон плывёт белая уточка; если я её попрошу, она поможет нам переправиться на другой берег. И кликнула Гретель уточке: - Нету мостика нигде, Ты свези нас по воде!
Подплыла уточка, Гензель сел на неё и позвал сестрицу, чтобы она села вместе с ним. – Нет, – ответила Гретель, – уточке будет слишком тяжело. Пускай перевезёт она сначала тебя, а потом и меня. Добрая уточка так и сделала. Они счастливо переправились на другой берег и прошли дальше. А там лес показался им совсем знакомым, и, наконец, они увидели издали отцовский дом. Тут дети пустились бежать, влетели в комнату и бросились отцу на шею. С той поры, как отец бросил детей в лесу, не было у него ни минуты радости, а жена его умерла. Раскрыла Гретель передник, и рассыпались по комнате жемчуга и драгоценные камни, а Гензель выбрасывал их из кармана целыми пригоршнями. И настал конец их нужде и горю, и зажили они счастливо и хорошо.

Другие сказки Братьев Гримм